

Н.А.Добролюбов.

Луч света в тёмном царстве

1860

Краткое содержание статьи.

Читается за 5–10 мин.

[Оригинал](#) — за 80–110 мин.

Статья посвящена драме Островского «Гроза». В начале её Добролюбов пишет о том, что «Островский обладает глубоким пониманием русской жизни». Далее он подвергает анализу статьи об Островском других критиков, пишет о том, что в них «отсутствует прямой взгляд на вещи».

Затем Добролюбов сравнивает «Грозу» с драматическими канонами: «Предметом драмы непременно должно быть событие, где мы видим борьбу страсти и долга — с несчастными последствиями победы страсти или с счастливыми, когда побеждает долг». Также в драме должно быть единство действия, и она должна быть написана высоким литературным языком. «Гроза» при этом «не удовлетворяет самой существенной цели драмы — внушить уважение к нравственному долгу и показать пагубные последствия увлечения страстью. Катерина, эта преступница, представляется нам в драме не только не в достаточно мрачном свете, но даже с сиянием мученичества. Она говорит так хорошо, страдает так жалобно, вокруг нее все так дурно, что вы вооружаетесь против ее притеснителей и, таким образом, в ее лице оправдываете порок. Следовательно, драма не выполняет своего высокого назначения. Все действие идет вяло и медленно, потому что загромождено сценами и лицами, совершенно ненужными. Наконец и язык, каким говорят действующие лица, превосходит всякое терпение благовоспитанного человека».

Это сравнение с каноном Добролюбов проводит для того, чтобы показать, что подход к произведению с готовым представлением о том, что должно в нём быть показано, не даёт истинного понимания. «Что подумать о человеке, который при виде хорошенькой женщины начинает вдруг резонировать, что у нее стан не таков, как у Венеры Милосской? Истина не в диалектических тонкостях, а в живой правде того, о чем рассуждаете. Нельзя сказать, чтоб люди были злы по природе, и потому нельзя принимать для литературных произведений принципов вроде того, что, например, порок всегда торжествует, а добродетель наказывается».

«Литератору до сих пор предоставлена была небольшая роль в этом движении человечества к естественным началам», — пишет Добролюбов, вслед за чем вспоминает Шекспира, который «подвинул общее сознание людей на несколько ступеней, на которые до него никто не поднимался». Далее автор обращается к другим критическим статьям о «Грозе», в частности, Аполлона Григорьева, который утверждает, что основная заслуга Островского — в его «народности». «Но в чём же состоит народность, г. Григорьев не объясняет, и потому его реплика показалась нам очень забавною».

Затем Добролюбов приходит к определению пьес Островского в целом как «пьес жизни»: «Мы хотим сказать, что у него на первом плане является всегда общая обстановка жизни. Он не карает ни злодея, ни жертву. Вы видите, что их положение господствует над ними, и вы вините их только в том, что они не выказывают достаточно энергии для того, чтобы выйти из этого положения. И вот почему мы никак не решаемся считать ненужными и лишними те лица пьес Островского, которые не участвуют прямо в интриге. С нашей точки зрения, эти лица столько же необходимы для пьесы, как и главные: они показывают нам ту обстановку, в которой совершается действие, рисуют положение, которым

определяется смысл деятельности главных персонажей пьесы».

В «Грозе» особенно видна необходимость «ненужных» лиц (второстепенных и эпизодических персонажей). Добролюбов анализирует реплики Феклуши, Глаши, Дикого, Кудряша, Кулигина и пр. Автор анализирует внутреннее состояние героев «тёмного царства»: «все как-то беспокойно, нехорошо им. Помимо их, не спросясь их, выросла другая жизнь, с другими началами, и хотя она еще и не видна хорошенько, но уже посылает нехорошие видения темному произволу самодуров. И Кабанова очень серьезно огорчается будущностью старых порядков, с которыми она век изжила. Она предвидит конец их, старается поддержать их значение, но уже чувствует, что нет к ним прежнего почтения и что при первой возможности их бросят».

Затем автор пишет о том, что «Гроза» есть «самое решительное произведение Островского; взаимные отношения самодурства доведены в ней до самых трагических последствий; и при всем том большая часть читавших и видевших эту пьесу соглашается, что в „Грозе“ есть даже что-то освежающее и ободряющее. Это „что-то“ и есть, по нашему мнению, фон пьесы, указанный нами и обнаруживающий шаткость и близкий конец самодурства. Затем самый характер Катерины, рисующийся на этом фоне, тоже веет на нас новою жизнью, которая открывается нам в самой ее гибели».

Далее Добролюбов анализирует образ Катерины, воспринимая его как «шаг вперед во всей нашей литературе»: «Русская жизнь дошла до того, что почувствовалась потребность в людях более деятельных и энергичных». Образ Катерины «неуклонно верен чутью естественной правды и самоотвержен в том смысле, что ему лучше гибель, нежели жизнь при тех началах, которые ему противны. В этой цельности и гармонии характера заключается его сила. Вольный воздух и свет, вопреки всем предосторожностям погибающего самодурства, врываются в келью Катерины, она рвется к новой жизни, хотя бы пришлось умереть в этом порыве. Что ей смерть? Все равно — она не считает жизнью и то прозябание, которое выпало ей на долю в семье Кабановых».

Автор подробно разбирает мотивы поступков Катерины: «Катерина вовсе не принадлежит к буйным характерам, недовольным, любящим разрушать. Напротив, это характер по преимуществу созидающий, любящий, идеальный. Вот почему она старается всё облагородить в своем воображении. Чувство любви к человеку, потребность нежных наслаждений естественным образом открылись в молодой женщине». Но это будет не Тихон Кабанов, который «слишком забит для того, чтобы понять природу эмоций Катерины: „Не разберу я тебя, Катя, — говорит он ей, — то от тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то так сама лезешь“». Так обыкновенно испорченные натуры судят о натуре сильной и свежей».

Добролюбов приходит к выводу, что в образе Катерины Островский воплотил великую народную идею: «в других творениях нашей литературы сильные характеры похожи на фонтанчики, зависящие от постороннего механизма. Катерина же как большая река: ровное дно, хорошее — она течет спокойно, камни большие встретились — она через них перескакивает, обрыв — льется каскадом, запружают ее — она бушует и прорывается в другом месте. Не потому бурлит она, чтобы воде вдруг захотелось пошуметь или рассердиться на препятствия, а просто потому, что это ей необходимо для выполнения её естественных требований — для дальнейшего течения».

Анализируя действия Катерины, автор пишет о том, что считает возможным побег Катерины и Бориса как наилучшее решение. Катерина готова бежать, но здесь выплывает ещё одна проблема — материальная зависимость Бориса от его дяди Дикого. «Мы сказали выше несколько слов о Тихоне; Борис — такой же, в сущности, только образованный».

В конце пьесы «нам отраднее видеть избавление Катерины — хоть через смерть, коли

нельзя иначе. Жить в „тёмном царстве“ хуже смерти. Тихон, бросаясь на труп жены, вытащенный из воды, кричит в самозабвении: „Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться!“ Этим восклицанием заканчивается пьеса, и нам кажется, что ничего нельзя было придумать сильнее и правдивее такого окончания. Слова Тихона заставляют зрителя подумать уже не о любовной интриге, а обо всей этой жизни, где живые завидуют умершим».

В заключение Добролюбов обращается к читателям статьи: «Ежели наши читатели найдут, что русская жизнь и русская сила вызваны художником в „Грозе“ на решительное дело, и если они почувствуют законность и важность этого дела, тогда мы довольны, что бы ни говорили наши ученые и литературные судьи». Пересказала Мария Першко